

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. (СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ)

Г. А. Урунтаева,
ИИДСВ РАО, Москва,
lotsman52@mail.ru

В статье рассматривается особый метод познания психики ребенка — анализ художественной литературы и автобиографий выдающихся людей, предложенный П. Ф. Каптеревым и получивший широкое распространение в российской детской и педагогической психологии конца XIX – начала XX в. Обращение к такому анализу обуславливалось, с одной стороны, поиском достоверных и ценных фактов о мире детства и объективных методов его исследования, а с другой — стремлением писателей, введя нового героя — ребенка, всесторонне изучить развитие его тонкой душевной жизни. Каптерев обосновывает приемлемость, возможности, цели и задачи этого метода познания для исследования хода психического развития в детском возрасте как систему взаимодействия внутренних (наследственных предрасположений, собственного опыта и деятельности, самовоспитания) и внешних его факторов (условий жизни, окружающей, общественной и физической, среды, семейного воспитания, школьного образования), который опирается на принципы всесторонности, целостности, индивидуализации такого изучения. Каптерев высказывает уверенность в том, что предлагаемый метод не заменяет теоретических исследований в детской психологии, а позволяет существенно дополнить, проверить установленные ею законы, наглядно показать формирование личности, определить значимость тех или иных влияний в этом процессе, поставить новые проблемы. Анализируя литературно-художественные произведения, Каптерев представляет общую картину психического развития в дошкольном возрасте, характеристику становления душевного склада личности и художественного таланта в детстве, рассматривает психологическое своеобразие детских типов и условий их появления. Главной проблемой для исследователей начала XX в. становится анализ обширной галереи детских типов в европейской и русской художественной литературе, т. е. определение отличительных особенностей — возрастных и индивидуальных черт личности ребенка, складывающихся в ходе психического развития при решающем влиянии не только наследственных условий, а прежде всего взаимодействия детского и взрослого миров.

Ключевые слова: П. Ф. Каптерев; детство; детский тип; метод исследования; наследственность; окружающая среда; психическое развитие; семейное воспитание; системный подход; талант; художественная литература; школьное образование.

Для цитаты: Урунтаева Г. А. Художественная литература как средство познания в отечественной детской психологии конца XIX – начала XX в. (системный анализ) // Системная психология и социология. 2022. № 3 (43). С. 100–118. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.43.3.09

Урунтаева Галина Анатольевна, доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, Москва.

E-mail: lotsman52@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3515-4889

**FICTION AS A MEANS OF COGNITION
IN THE DOMESTIC CHILD PSYCHOLOGY
OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES (SYSTEM ANALYSIS)**

G. A. Uruntaeva,
ISCFE RAO, Moscow,
lotsman52@mail.ru

The article considers a special method of cognition of the child's psyche — the analysis of fiction and autobiographies of outstanding people, proposed by P. F. Kapterev and widely used in Russian child and pedagogical psychology of the late XIX – early XX centuries. The appeal to such an analysis was largely determined on the one hand, by the search of scientists for reliable and valuable facts about the world of childhood and objective methods of its research, and on the other, by the desire of writers who introduced a new child hero to a comprehensively study the development of his subtle spiritual life. Kapterev justifies the acceptability, possibilities, goals and objectives of this method of cognition for the study of the course of mental development in childhood as a system of interaction of internal (hereditary predispositions, own experience and activity, self-reflection personal experience and activity, self-education) and its external factors (living conditions, environmental, social and physical environment, family upbringing, school education), which is based on the principles of comprehensiveness, integrity, individualization of such a study. Kapterev expresses confidence that the proposed method does not replace a theoretical research in child psychology, but allows us to supplement significantly, verify the laws established by it, clearly show the formation of personality, determine the significance of certain influences in this process, and put new problems. Analyzing literary and artistic works, Kapterev presents a general picture of mental development in preschool age, the characteristic of the formation of a mental personality and artistic talent in childhood, considers the psychological peculiarity of children's types and conditions of their appearance. The main problem for researchers of the early twentieth century is the analysis of an extensive gallery of children's types in European and Russian fiction, i.e. determination of distinctive features — age and individual personality traits of a child forming during mental development under the decisive influence of not only hereditary conditions, but primarily the interaction of the child and adult worlds.

Keywords: P. F. Kapterev; childhood; child type; research method; heredity; environment; mental development; family upbringing; systematic approach; talent; fiction; school education.

For citation: Uruntaeva G. A. Fiction as a means of cognition in the domestic child psychology of the late XIX – early XX centuries (system analysis) // Systems Psychology and Sociology. 2022. № 3 (43). P. 100–118. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.43.3.09

Uruntaeva Galina Anatolyevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, honored worker of higher education of the Russian Federation. The Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia.

E-mail: *lotsman52@mail.ru*

ORCID: 0000-0003-3515-4889

Введение

Детская психология конца XIX – начала XX в. разрабатывает не только теоретико-методические основы наблюдения как основного для нее метода, обсуждает внедрение эксперимента, тестов, но и ищет новые средства исследования психического развития. Появление

в художественной литературе особого героя — ребенка, изучение его душевной жизни привлекает внимание не только литературоведов, но и психологов и педагогов. Одним из первых П. Ф. Каптерев обращается к анализу художественной литературы как средству психологического исследования детства, а не лишь как к источнику фактов о нем. Объектом его рассмотрения в определенной

системе становятся литературно-художественные произведения С. Т. Аксакова, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, автобиографии Ж. Санд, С. Д. Дрожжина, В. В. Верещагина и др. Но упоминает об этом методе лишь историк психологии А. А. Никольская [13: с. 87], а другие исследователи обычно анализируют проблемы внедрения наблюдения, эксперимента, тестов в психолого-педагогическую науку [12: с. 9; 14: с. 17; 16: с. 12]. Данное исследование направлено на рассмотрение художественной литературы как метода познания детской души, сложившегося и получившего широкое распространение в детской психологии конца XIX – начала XX в., с позиций системного подхода — в совокупности возможностей, приемлемости, целей, задач, принципов этого метода, направленного на изучение психического развития в детстве.

Проблема метода исследования в отечественной детской психологии в конце XIX – начале XX в.

Проблема метода исследования в отечественной детской психологии остается актуальной в конце XIX – начале XX в. Наряду с разработкой теоретико-методических вопросов наблюдения, ведения дневников обсуждается возможность применения эксперимента, тестов. Тогда же в российском обществе возрастает интерес к художественной литературе, изображающей душевную жизнь ребенка. Популярной становится подготовленная Л. В. Постниковой «Галерея детских портретов» (1890) — тщательная выборка детских типов из произведений известных русских писателей, направленная на ознакомление детей с русской жизнью, русскими детьми [8]. Исследователь Ю. А. Веселовский заслугой европейской художественной литературы XIX в. считает проникновение в тайники детской души. Писатели, а не только авторы теоретических исследований по детской психологии и педагогике внимательно изучают душевный мир детей, их нужды, порывы, своеобразную работу мысли. Они пытаются художественно воссоздать все в нем происходящее, правдиво изобразить некоторые стороны детской

психологии и жизни. Веселовский подчеркивает своеобразие нового взгляда литературы на ребенка: он не изящная кукла или лишь эпизод из жизни взрослого человека, а самобытное, своеобразное существо, достойное глубокого интереса, понимания, изучения [5: с. 4–8]. В литературе, по мнению поборницы образования В. Воскресенской, появился новый герой: дети — люди будущего, когда «в детскую душу заглянула глубоко художественная литература 19-го века: сочувственное внимание к ребенку, как к таковому, и правдивое воссоздание детского возраста есть ее завоевание» [6: с. 119]. Автор отмечает наличие в русской литературе XIX в. неисчерпаемого богатства художественных детских образов — «тонких, грациозных и трогательных», «самостоятельных и правдивых картин детства» [7: с. 75]. «Глубина психологического анализа во многих случаях, — считает Воскресенская, — оставляет позади создания западно-европейских писателей — непосредственностью, образностью картин детской жизни, и такие художники слова, как Гончаров, Толстой, Достоевский, Герцен, Тургенев, Глеб Успенский, затем Короленко, Чехов, дают нам незабвенные страницы, посвященные детству» [7: с. 75]. Составитель двух томов отрывков из произведений русских и иностранных писателей, обрисовывающих психологию детей, «Детская душа» (1907, 1909), Л. В. Рудевич, уверен, что художники слова помогают решить великую задачу «понимания этого наивного, но глубоко-задушевного детского мира! Мысль, облеченная в художественную форму, всегда производит на нас более глубокое и прочное впечатление. <...> Предлагаемые художественные иллюстрации гуманных педагогических идей должны неизбежно принести свою долю пользы. <...> Прочтя этот ряд задушевных страниц, написанных любящей рукой наших писателей, читатели станут ближе к пониманию детской души. Понять же, — значит сознать необходимость в деле воспитания руководствоваться теми гуманными принципами, которыми проникнуты все эти страницы» [17: с. IV]. В разделах томов сформулированы главные проблемы детства, волнующие и писателей, и ученых: детские мечты и фантазии, наивный детский мир, подражательность, детская дружба, любовь к родным и близким

людям, детская любовь, религиозное чувство, светлые натуры, раннее проявление природных способностей, одинокие и обиженные дети, на пороге к отрочеству и др. [17; 18].

Писатели относятся к детям с любовью, гуманизмом как к изначально чистым, невинным, неиспорченным существам. Один из заметных деятелей образования в дореволюционной России, педагог-словесник и специалист по детской психологии П. С. Пользинский замечает, что для Достоевского душевный мир детей представляет высокую ценность, безусловно, дурным писатель видит лишь Смердякова. Даже Лиза Хохлакова, нравственные основы души которой нарушены, девочка далеко не злая, по природе не безнравственная, а измученная болезнью, плохо воспитанная [15: с. 15–17]. Воскресенская отмечает, что Чехов признает за детьми «важное гуманизирующее влияние, указывая на их значение в жизни даже отпетых представителей общества — на “Сахалине”: «Ссылные ценят детей... это самые нужные и приятные люди»» [7: с. 107]. Несмотря на пессимизм изображения Л. Андреевым детской жизни, по мнению беллетриста и исследователя В. В. Брусянина, писатель оставался уверен в том, что «жизнь гармонична только тогда, когда с нами и вокруг нас есть дети. Только дети примиряют отчаявшегося человека с жизнью и с обстоятельствами; только дети покоряют суровость, злобу, несправедливость и противоречия жизни; только во имя детей стоит остаться жить, хотя бы эта жизнь была и несносна» [3: с. 143]. Здесь можно заметить, что поборники образования, заинтересованные в продвижении идеи значимости детского мира, привлекали внимание и к проблемам детской психологии.

Однако к художественной литературе и автобиографиям выдающихся людей как к средству познания детской психики первым обратился один из основоположников детской и педагогической психологии в России Петр Федорович Каптерев (1849–1922). Впоследствии этот метод широко распространился в психолого-педагогической науке конца XIX – начала XX в., о чем свидетельствуют многочисленные работы заинтересованных в его становлении исследователей (Ю. И. Айхенвальд, А. К. Бороздин,

В. В. Брусянин, Ю. А. Веселовский, В. Воскресенская, А. К. Герцык, В. А. Гольцев, П. С. Пользинский, Р. А. Янтарева (Янтарева-Виленкина) и др.). В художественной литературе и автобиографических записках исследователи видят источник интересных фактов и наблюдений о ребенке — ценный материал для изучения детской психологии, правдивый, достоверный, подробный, а также специфический метод познания психического развития в детстве. Сам Каптерев, рассматривая «Историю моей жизни» (1855) известной в России в его время французской писательницы Жорж Санд, отмечает достоверность, своеобразие, собственный характер представленных данных, отсутствие противоречий свидетельствам других наблюдателей, ведь еще тогда детская психология не существовала как отрасль научного исследования. Он указывает на «большую естественную любознательность», обнаруженную у Санд, «направившуюся на новый для того времени ряд явлений и выразившуюся довольно правильным сообщением давно пережитых фактов»¹.

Каптерев обосновывает приемлемость и возможности художественной литературы и автобиографий как метода детской психологии, цель которого составляет «целая картина физического роста и душевного склада»², понимание хода и условий психического развития ребенка. Не заменяя собственно теоретические исследования о законах и обстоятельствах развития, этот метод, с точки зрения ученого, позволяет: 1) существенно их дополнить, 2) помочь проверить, 3) поставить важные и интересные вопросы, 4) наглядно показать, как формируется личность, 5) определить, какие влияния оставляют на ее складе глубокие или поверхностные следы, 6) проследить развитие выдающегося таланта. «Поучительно знать, — пишет Каптерев о биографии Санд, — каким путем замечательный человек дошел до своего положения, обратившего на него внимание образованного мира. Эта поучительность возрастает,

¹ Каптерев П. Ф. Детство и юность Жорж Занд с психологической точки зрения // Воспитание и обучение. 1894. № 8. С. 319.

² Каптерев П. Ф. Детские годы С. Т. Аксакова // Педагогический сборник. 1890. № 3. С. 225.

если о его развитии имеются подробности и достоверные сведения»³.

Рассматривает Каптерев в своих работах автобиографии и других замечательных людей, на которых обратил свое внимание образованный мир. Так, поэт С. Д. Дрожжин и художник В. В. Верещагин в своих автобиографиях «довольно подробно рассказывают историю своего детства и отрочества, указывают те влияния, под действием которых они росли, как они силой обстоятельств отклонились от своего настоящего призвания и как вышли наконец на тот путь, который позднее привел их к известности»⁴. Эти записи показывают, «как развиваются русские таланты, как они борются с препятствиями и какое отношение имеет к их таланту воспитание»; а также «путем чисто практическим и жизненным разрешают весьма важный теоретический вопрос об отношении между врожденным талантом и воспитанием»⁵. Главная проблема, считает Каптерев, которую помогает решить обращение к художественной литературе, — изучение всесторонней истории психического развития ребенка, представленной как система соотношения его внутренних и внешних факторов, психофизической наследственной природы и своеобразия среды обитания. Заметим, что внутренним условием наряду с задатками является опыт, саморазвитие, самовоспитание, деятельность ребенка в окружающей среде. Среду образуют не только особенности природы и местности проживания, но и черты родителей, которые «передают своим детям, в силу закона наследственности, характеризующие их свойства; родители же и воспитывают детей, воспитывают в своих взглядах, вкусах, по своим понятиям, согласно с своими намерениями»⁶. Важными составляющими среды выступают особенности семейного воспитания и взаимоотношений с родителями, близкими родственниками, сверстниками, а также первоначального школьного обучения,

зависящие от мировоззрения, нравов, образованности родителей и учителей. Каптерева интересуют не сами по себе условия психического развития, благоприятные или неблагоприятные, а система их взаимодействия друг с другом и то, как это взаимодействие и в каком возрасте приводит к становлению личности отдельного ребенка или детского типа в единстве определяющих их качеств в физической, эмоциональной или чувствительной, умственной, нравственной, коммуникативной сферах. Использование художественной литературы как метода детской психологии, как ранее, и метода наблюдения [11; 19: с. 111–147], ученый основывает на причинно-следственной системе «факторы психического развития – всесторонняя история развития ребенка – душевный склад личности», на принципах целостности, всесторонности, индивидуализации изучения психического развития конкретного ребенка в конкретных жизненных условиях его существования. Каптерев определяет логику системного анализа детства в литературе: от индивидуального своеобразия черт ребенка к возрастным, потом к детским типам и качествам, присущим всем детям, затем к условиям или причинам их становления и, наконец, к общей картине психического развития. Обратимся к анализу Каптерева картины психического развития в дошкольном возрасте, душевного склада личности, художественного таланта, своеобразия детских типов на примере художественных произведений.

Опыт создания П. Ф. Каптеревым общей картины психического развития в дошкольном возрасте

Свое представление о целостном процессе психического развития в детстве педагог и психолог П. Ф. Каптерев строит на основе произведений русского писателя С. Т. Аксакова: «Семейная хроника» (1856), «Воспоминания» (1856), «Детские годы Багрова-внука» (1858). Аксаков, его детство, личность — в центре исследований Каптерева, он замечательный человек, дошедший до положения, которое стало ценным в глазах образованного мира. От характеристики главных качеств

³ Каптерев П. Ф. Детство и юность Жорж Занд с психологической точки зрения. С. 307.

⁴ Каптерев П. Ф. Воспитание двух русских талантов // Воспитание и обучение. 1895. № 5. С. 141.

⁵ Там же. С. 142.

⁶ Каптерев П. Ф. Детские годы С. Т. Аксакова. С. 226.

личности ребенка — главного героя произведений Аксакова: впечатлительности, склонности к страстным увлечениям и переживаниям страха — ученый переходит к условиям их появления и зарождения творчества. Причинами для развития у мальчика наследственной пугливости, врожденной у человека и животных, и переживаний страха как душевного состояния Каптерев считает, с одной стороны, слабое здоровье, продолжительную болезнь в младенчестве и связанное с ними первое знакомство с болью, страданием, а с другой стороны, ранние детские впечатления. К последним относятся переживания огромного испуга «от очень сильных и действительно страшных явлений, как переправы через широкую реку в бурю, страшные рассказы няни о мертвецах, домовых и всяких других ужасах, общая нервная впечатлительность и возбужденное воображение, могущее создавать при подходящих случаях страшные образы и даже целые картины, устрашающего характера»⁷.

Выясняя причины появления впечатлительности, нервности и страстности у ребенка, Каптерев отмечает, что они составляли сходство натур матери и сына. Но даже в этом случае, считает ученый, трудно доказать наследуемость сыном душевных качеств матери. «Наследственность свойств вполне была бы доказана только тогда, когда сын вырос бы не на глазах матери, вне влияния с ее стороны, а между тем проявил бы явно материнские свойства»⁸, чего не было в случае Аксакова. «Отсутствие строгого доказательства какого-либо факта не свидетельствует еще об отсутствии и самого факта»⁹. Каптерев замечает, что наследуются лишь органические свойства вообще или отдельных органов в частности, как, например, слабость нервной системы, податливость возбуждению, нервность, а вместе с организмом наследуются соответственные склонности и предрасположения, в том числе впечатлительность, страстность, трусливость и пугливость. Более или менее сложные психические явления, как деятельности

(увлеченность природой, ужением рыбы, чтением, сочинением историй о приключениях) или душевные состояния (переживания страха и пр.), развиваются у личности на основе наследственных органических свойств при наличии определенных условий, впечатлений и опыта.

Тяжелое заболевание и некрепкое здоровье Аксакова в первые полтора года определили условия его жизни, положение в семье как маменькиного сынка, ее любимца, неженки, а первоначальное материнское воспитание превратилось в тщательный уход, постоянный надзор, оберегание от невзгод. «А так как мать была натура нервная, впечатлительная и страстная, то она невольно передавала свою страстность сыну, возбуждала его нервы, сообщала ему свое возвышенное настроение, не задумывалась много о том, что подобное постоянное возбуждение может быть вредно сыну»¹⁰. Тесное общение, прежде всего с матерью, душевные беседы с ней, зачастую о недетских предметах, уравнивающие ее и сына возраст, совместное чтение взрослых книг пристрастило Аксакова в начале пятого года к самостоятельному чтению, а затем к театру, собиранию бабочек. Это способствовало не только его раннему умственному развитию, нежеланию играть и дружить со сверстниками, но и превращению деятельности мальчика в важное условие психического развития. Из книг он узнал о многих природных явлениях (молния, воздух, облака, образование дождя и снега), «и его детскому уму открылся новый мир, в нем произошел совершенный переворот: многие явления в природе только теперь получили смысл и значение»¹¹. Статьи о муравьях, пчелах, бабочках со своими превращениями вызвали непреодолимое желание непосредственно наблюдать за ними. В пять-шесть лет на основе прочитанного или услышанного о происшествиях появилось самостоятельное творчество — рассказы о собственных небывалых приключениях, воображаемых историях. Если мать вводила сына в мир мысли и отвлеченностей, то отец — в мир природы и сельских удовольствий. Общение с отцом, его прямое влияние и пример

⁷ Каптерев П. Ф. Детские годы С. Т. Аксакова. С. 249.

⁸ Там же. С. 243.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 231.

¹¹ Там же. С. 235.

как страстного рыбака, охотника, сельского хозяина наряду с жизнью в деревне вызвали любовь мальчика к природе, увлечение ужением рыбы, охотой. Его приводили в восторг, самозабвение, сводили с ума летним днем на пруду или реке «удочка, дрожащий и ныряющий поплавок, согнутое от тяжести удилище, рыба, трепещущая на лесе»¹². Таким образом, Каптерев, анализируя систему соотношения условий психического развития мальчика (наследственные органические предрасположения, слабое здоровье, ранние впечатления от явлений природы и происшествий сельской жизни, специфика общения с родителями и их воспитательное влияние), определяет появление увлечений, умственной самостоятельности и творчества: «какой цветок вырос на этой почве и как он развивался»¹³.

Представление П. Ф. Каптерева о становлении художественного таланта в детском возрасте

Процесс развития таланта со времени связных непрерывных воспоминаний в детстве до физической и духовной зрелости в юношеском возрасте П. Ф. Каптерев рассматривает на материалах автобиографий Ж. Санд, С. Д. Дрожжина, В. В. Верещагина. Здесь можно заметить, что позднее такой анализ превратился в особый метод изучения детства — биографический. Ученый признает справедливым мнение Санд о значении детства в развитии писательского таланта: «Что верно, чего не будут добросовестно оспаривать по прочтении истории моего детства, это то, что выбор моих мнений не был капризом, фантазией артиста, как мне говорили; он был неизбежным результатом моих первых огорчений, моих наиболее священных расположений, моего положения в жизни»¹⁴. От специфики психических качеств ребенка, подтверждающей несомненные интеллектуальные задатки, признаки одаренности,

ученый переходит к выяснению значимости условий и этапов становления таланта.

О талантливости Авроры Дюпен — так звали Санд на самом деле — с колыбели говорят умственная и сердечная возбудимость. Умственная сказалась в мечтательности, фантазерстве, творчестве на протяжении четырех периодов психического развития в детстве: 1) придумывание волшебных сказок в Париже (первые четыре года); 2) фантастические размышления по поводу непонятных природных явлений в Мадриде (около трех месяцев); 3) страстное увлечение в Ногане играми до забвения окружающего и сочинение романа о Корамбе, в котором воплотилась потребность в творчестве, поиске идеала и утешителя (до 11 лет); 4) религиозный восторг в монастыре (до 17 лет), и по выходе из него самостоятельное, серьезное, несистематичное, но разнообразное чтение философов, поэтов, моралистов.

Возбудимость чувства проявлялась в грусти, печали от песенки про вырубленные лавровые деревья; страхе от злой улыбки на лице и двигающихся в разные стороны эмалевых глаз куклы Полишинеля; ужасе на ночной, темной, пустой улице и пр. Девочка боялась не только реальных предметов, зачастую не замеченных другими, но и созданных ее живым воображением ярких картин. Здесь Каптерев отмечает взаимосвязь в развитии воображения и чувства: «Действительность всегда бывает определена, а потому и возбуждение, ею порожаемое, развивается в известных пределах; в картинах же, создаваемых воображением, постоянно есть что-то недоконченное, что дает возможность бесконечно расширять картину, а вместе с тем увеличивать до неопределенно необъятных размеров и чувство, ею возбуждаемое»¹⁵.

Причины развития указанных свойств Авроры Каптерев видит в воздействии на врожденные предрасположения соответствующей специфики воспитания. О вероятной наследуемости говорит сходство душевной природы матери и дочери: преобладание фантазии и чувства, страстность, нервность, артистичность, талантливость их натур.

¹² Каптерев П. Ф. Детские годы С. Т. Аксакова. С. 233.

¹³ Там же. С. 229.

¹⁴ Каптерев П. Ф. Детство и юность Жорж Занд с психологической точки зрения (*Окончание*) // Воспитание и обучение. 1894. № 11. С. 454.

¹⁵ Там же. С. 388.

Условия воспитания девочки, гармонируя с этими природными чертами, усиливали их: возбужденное, приподнятое настроение матери; близость ее взглядов к мировоззрению, верованиям народа в существование фантастических существ; рассказывание и сочинение историй, чтобы занять дочь, тем самым подача примера творчества.

Основываясь на собственном подходе к анализу детства, Каптерев не соглашается с интерпретацией Санд некоторых психологических фактов из ее детского опыта. Так, он возражает против понимания ею детства как сверхъестественной чудесной жизненной среды ребенка, мистического, полного необъяснимых загадок состояния. В то же время ученый поддерживает ее мнение о том, что фантастическое (как игра фантазии) занимает важное место в детстве, что нельзя уничтожить чудесное, как призывал Руссо, считая его ложью. Каптерев замечает: «С детьми избегать фантастического не следует, но и фантастическое нужно давать в известной мере, так как малые дети в конце концов суть большие реалисты»¹⁶. По мнению Каптерева, для правильного понимания детского мировоззрения важен вопрос о том, воспринимает ли ребенок куклу как живое существо. Санд утверждает, что она не помнит этого факта, но ученый ссылается на пример с куклой Полишинелем. Он уверен, что различие одушевленного и неодушевленного, разделение мира на две группы неврожденны. Сначала ребенок знает только себя как живое существо, поэтому воспринимает все предметы таковыми, и, лишь исходя из своего опыта, постепенно начинает различать одушевленное и неодушевленное.

Воспитывающие Аврору взрослые не имели надлежащего представления об этом трудном деле. Ее была мать, служанка, учитель, озабоченный поддержанием своего авторитета и требующий безусловного повиновения. Потребность ребенка в любви, покровительстве, защите и опоре не нашла удовлетворения. Аврора развивалась вопреки этой воспитательной системе, а главным условием становления таланта можно назвать ее самостоятельную деятельность, направленную на удовлетворение потребности

в творчестве. Ее умственное развитие перешло от сказочного к более серьезному — философско-религиозному — характеру — поискам нравственного идеала, Бога. Благодаря сложившейся в детстве системе соотношения природных задатков и обстоятельств их развития у Авроры главной становится ее деятельность, способная удовлетворить ее потребность в творчестве.

В становлении поэтического таланта русского поэта С. Д. Дрожжина¹⁷ и живописца В. В. Верещагина¹⁸ Каптерев находит те же закономерности, что и в развитии писательского таланта Санд. Так, Дрожжин с раннего детства впитал впечатления от деревенской природы в Тверской губернии на берегу Волги, крестьянских работ и хижин, душевно сросся с деревней, впоследствии посвятив этой теме лучшие стихотворения. Признаки живописного таланта Верещагина, сына богатого помещика, обнаружились довольно рано и явно. Он любовался образами в церквях, поражался всякими картинами, срисовывал их. С помощью воображения он быстро олицетворял прочитанное или услышанное, живо представлял образы богатырей, разных животных и пр., поэтому любил словесность и историю, а не естественные науки. Но родители и учителя рисования не сразу признали в нем талант. Учиться рисовать он начал довольно поздно.

В обеих семьях господствовали суеверия, но в крестьянской было больше сердечности и душевной теплоты. С одной стороны, деревенское воспитание дало Дрожжину слишком мало культурных сведений. С другой — постоянная близость с природой обогатила ум впечатлениями незатейливой деревенской жизни, внушила горячую привязанность к родной Волге. Несмотря на внешне благоприятные условия, родителям Верещагина недоставало настоящей культуры и истинного гуманизма, у них отсутствовали педагогические знания и идеалы. При всем богатстве детей кормили остатками, ведь все лучшее съедали гости. В отношениях с детьми родители руководствовались

¹⁶ Там же. С. 321.

¹⁷ Каптерев П. Ф. Воспитание двух русских талантов // Воспитание и обучение. 1895. № 5. С. 141–154.

¹⁸ Там же. № 6. С. 201–214.

узким эгоизмом, грубым и невежественным понятием об их счастье.

При индивидуальном своеобразии личности и жизненных обстоятельств, раннем проявлении склонностей главным условием развития как поэтического таланта Дрожжина, живописного — Верещагина, так и писательского — Санд, стала их собственная деятельность, самообразование, ведь таланты они развивали вопреки семейному воспитанию и школьному обучению. Анализ становления таланта приводит Каптерева к постановке социальных проблем. Государство должно позаботиться, уверен ученый, об образовании детей, повышении их умственного уровня, сохранении для русского народа всех его талантов, а поэтому создать порядочные элементарные школы с библиотеками и выдающимися произведениями для пробуждения детей. «А без этого дело будет плохо, зря будут пропадать таланты, — один Дрожжин выплывет, а сто других утонет, и будем мы по-прежнему жить в бедности материальной и нищими духом»¹⁹.

Становление художественного таланта, по мнению Каптерева, определяется системой соотношения природных задатков и условий их развития, т. е. запускается природными задатками — умственной и эмоциональной возбудимостью, приводя к развитию самостоятельности, самовоспитания, направленных на удовлетворение потребности в творчестве. Семейное воспитание и школьное образование способны сдерживать или помогать этому процессу.

Психологическое своеобразие детских типов в представлениях отечественных педагогов и психологов конца XIX – начала XX в.

Психологов и педагогов конца XIX – начала XX в. привлекала сама идея обобщения схожих душевных характеристик людей с последующим выделением в них общего, типического. Особенности типов детей исследователи того времени начинают анализировать

на примере юных героев, которые были ярко представлены на страницах произведений Ф. М. Достоевского, тонкого психолога, знатока человеческой души и детского мира. Делают это сначала П. С. Пользинский, а затем Р. А. Янтарева (Янтарева-Виленикина), В. Воскресенская и др. Особенно выделяется анализ, проведенный П. Ф. Каптеревым.

Наблюдаемая жизнь, по мнению литератора, поборника образования и знатока детской психологии Р. А. Янтарева, требует от педагогики расширить свой предмет до рассмотрения наряду с детьми нормальными, здоровыми и тех, кто обнаруживает «недуг нервозности». Такие сведения можно получить не только из непосредственных наблюдений за детьми, научных сочинений по психиатрии, психологии, но и из талантливых литературных произведений, ведь «они имеют великое значение для воспитателя и сослужат ему верную службу» [20: с. 4]. Янтарева объясняет важность обращения к художественной литературе: «К несчастью, наше общество еще не прониклось сознанием того великого значения, которое правильное понимание и тщательное изучение законов детской психики имеет в деле воспитания и всей будущности подрастающего поколения» [20: с. 87]. Пользинский разделяет мнение Достоевского о том, что необходимое условие общения взрослых с детским миром — это внимательное отношение к природе ребенка, стремление понять ее, не предпочитая мертвую форму условных педагогических положений живому делу наблюдения над внутренним ростом ребенка.

Подчеркивая мастерство Достоевского при изображении детских психологических типов, П. С. Пользинский и П. Ф. Каптерев обсуждают возможности в использовании художественных произведений как средства познания детской психики. Пользинский пишет: «Обращаясь с литературными характерами, как с живыми примерами влияния тех или других воспитательных условий, мы должны поневоле считаться с их нереальностью, в смысле безусловной правдивости. Как романист, Достоевский не мог, конечно, брать заурядных явлений серенькой действительности: он создавал тип, и потому, по литературным условиям, должен был представить

¹⁹ Каптерев П. Ф. Воспитание двух русских талантов. С. 154.

наиболее резкие проявления характеров. Но выполнение художественных требований не заклоняет, конечно, психологической основы типа, которая в данном случае и представляет главный интерес» [15: с. 2–3]. Каптерев замечает, что во-первых, галерея детских типов у Достоевского не только малочисленна, но «и со стороны содержания не исчерпывает всего разнообразия складов детской души, которые могут возникать под влиянием условий, составляющих исходный пункт в развитии детей, изображенных Достоевским»²⁰. Во-вторых, писатель не показывает, как его герои, достигшие 10–14 лет, росли и развивались в первые годы жизни. В-третьих, хотя художественное изображение требует яркости красок для подчеркивания свойств персонажа, особенно ребенка, в этом необходима некоторая мера, которую писатель иногда нарушает, как в сценах с Колей Красоткиным или Лизой Хохлаковой.

Ученые предлагают программу системного анализа детских типов, ставя задачи определить: 1) наиболее характерные свойства каждого типа; 2) общие проявления душевной жизни ребенка, отличающие ее от жизни взрослого человека; 3) группы детских типов в соответствии с общими чертами детей, общим складом их внутренней жизни, общим направлением их физического, эмоционального, умственного, коммуникативного и нравственного развития; 4) становление того или иного характера, некоторые ступени духовного роста ребенка; 5) причины, способствующие появлению у детей тех или иных черт, развитию некоторых детских натур, даже неправильному с ненормальным психическим строем. Под таковыми исследователи понимают соотношение между природными задатками ребенка и окружающей средой. «... Душа ребенка, — пишет Янтарева, — не *tabula rasa*, надо считаться с его темпераментом, природными наклонностями и принимать в соображение ту среду, в которой воспитывается ребенок, те черты и особенности характера, которые обусловлены влиянием этой среды» [20: с. 30]. Она замечает, что проследить

развитие детского характера — «дело не легкое; для того, чтобы проникнуть в измученную наболевшую душу маленького отщепенца общества, надо обладать тонким психологическим чутьем, сердцем мягким и любящим. Достоевский обладает этими качествами, вследствие чего его анализ характера Нелли... поражает жизненностью и реализмом» [20: с. 35]. Янтарева формулирует принцип рассмотрения целостного хода психического развития: «Чтобы понять характер Нелли, надо ни на секунду не упускать из виду ее прошлое, ее историю, надо брать вместе с почвою, на которой она выросла... Если обстановка, среда, в которой человек живет и вращается, оказывает на него во всякий период его жизни могучее влияние, то тем глубже и интенсивнее оно в то же время, когда характер еще не развился, когда ребенок еще не сложился в человека» [20: с. 35–36].

Пользинский описывает десять детских типов Достоевского [15: с. 85], Янтарева — шесть [20: с. 69], Каптерев — семь: четырех девочек (Неточка Незванова и княжна Катя из «Неточки Незвановой», Нелли из «Униженных и оскорбленных», Лиза Хохлакова из «Братьев Карамазовых») и трех мальчиков (Коля Красоткин и Илюша Снегирев из «Братьев Карамазовых», маленький герой из одноименного рассказа). Каптерев считает, что именно эти типы «обрисованы очень рельефно, живо и настолько своеобразны и характерны, что не перемешаются один с другим», и «как живые дети, стоят в памяти со всеми своими особенностями, с своею собственною душевною жизнью»²¹. Характерные черты каждого типа, указанные Каптеревым, близки к выделенным Пользинским и Янтаревой. Заметим, что ученых, как и Достоевского, интересуют прежде всего индивидуальные черты ребенка. Нелли — «прекрасная девочка по природе и дурная по воспитавшим ее жизненным условиям; она нежна, чутка, благородна по своим природным свойствам и груба, резка, недоверчива по своему суровому жизненному опыту»²². Неточка — «тип

²⁰ Каптерев П. Ф. Общие замечания о детских типах в произведениях Достоевского // Воспитание и обучение. 1895. № 10. С. 357.

²¹ Там же. С. 358.

²² Каптерев П. Ф. Типы детей в произведениях Достоевского. Типы девочек // Воспитание и обучение. 1895. № 3. С. 74.

несчастной девочки, попавшей с малолетства в суровые жизненные условия», «тип чердака и нищеты», а Катя — цельный и привлекательный тип «хором и богатства»²³. «Если из образа Лизы Хохлаковой убрать те черты, которые прямо делают ее больной физически и духовно, именно паралич ног и истерические припадки, извращенные чувства и стремления, то в результате останется типическое изображение многих нынешних детей. Характерными чертами этого множества будут: физическая хилость и слабость, нервность, большая возбудимость всякими впечатлениями, душевная неустойчивость, отсутствие сдержки, слишком раннее развитие. <...> развинченность и составляет основную черту Лизы Хохлаковой»²⁴. Коля Красоткин «показывает только одно, как сильно на детях отражается умонастроение общества, как восприимчивые дети, подобно резонаторам, повторяют все, что дойдет до их слуха»²⁵. Илюша «с своею нравственною чуткостью и силою в семье штабс-капитана Снегирева — это благоухающий цветок среди гнилого болота»²⁶. В маленьком герое «изображается собственно не тип, а представляется психолого-балетристический эскиз возникновения и развития чувства любви в 11-летнем мальчишке»²⁷.

Преобладающими в душевной жизни детей, описанных Достоевским, Пользинский считает чувство и воображение. Именно сердцем, еще не умея рассуждать, ребенок угадывает истину, постигает смысл окружающего, душевное состояние людей; его действиями руководят чувства. Илюша распознал в своем отце человека, а маленький герой — в г-же М. страдающее существо. Но чувство ошибается, когда Неточка видела отчима угнетенным, а мать жестокой и несправедливой. Преобладание чувства над разумом влечет слабость воли, которая поэтому может направляться

волей другого человека. Степень напряжения и глубина присущих детям альтруистических и эгоистических чувств достаточно высоки. Под влиянием альтруистических чувств ребенок способен к самопожертвованию, поэтому Неточка подавляет чувство боли в угоду отцу, а гордость не позволяет Кате выказать любовь к этой девочке. Переживают дети и моральные чувства. При обмане заодно с отцом Неточка испытывает страшные мучения совести, которые определяются силой порицания и стыда, усиливаются сознанием нарушенного нравственного долга. Жестокость детей не всегда преднамеренна, например Илюша бросает собаке кусок хлеба с булавкой, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. При совместных действиях дети способны на большую жестокость, поскольку при общем настроении воля слабеет, приводя к тому, что чувство труднее сдерживается и энергичнее проявляется.

Дети склонны отдаваться игре воображения. Характер их фантазий определяется свойствами их психофизиологической организации, как у Лизы Хохлаковой, и спецификой окружающего. Содержание мечтаний, как у Неточки и Илюши, часто противоположно впечатлениям действительности. Для девочки, испытывающей недостаток реальных впечатлений, мечты составляют всю суть внутренней жизни.

Исследователи предлагают разные группировки детских типов. Пользинский выделяет пять групп детей: 1) развивающиеся под влиянием гнетущей нужды и лишений — Нелли, Неточка, Илюша; 2) созерцательные, с мечтательным углублением во внутренний мир — Аркадий Долгоруков («Подросток»), Алексей Карамазов («Братья Карамазовы»); 3) своевластные, гордые, настойчивые — княжна Катя, Лиза Хохлакова; 4) преждевременно посвященные в мир идей, превосходящих их понимание — Коля Красоткин, Коля Иволгин («Идиот»); 5) нравственно-помешанные — Смердяков («Братья Карамазовы») [15: с. 85]. К недостаткам классификации Пользинского Каптерев относит излишнюю сложность; построение на разных основаниях; отсутствие маленького героя; выделение в отдельную группу душевнобольных лишь Смердякова, о детстве которого мало информации,

²³ Каптерев П. Ф. Типы детей в произведениях Достоевского. Типы девочек // Воспитание и обучение. 1895. № 2. С. 50.

²⁴ Там же. № 4. С. 114.

²⁵ Каптерев П. Ф. Типы детей в произведениях Достоевского. Типы мальчиков // Воспитание и обучение. 1895. № 9. С. 321.

²⁶ Там же. С. 325.

²⁷ Там же.

и неприсоединение к ней Лизы; объединение в одну группу здоровой Кати с больной телесно и душевно Лизой²⁸.

Янтарева описывает три группы детей: 1) нервные — Лиза Хохлакова и княжна Катя; 2) униженные и оскорбленные — Нелли, Илюша; 3) дети-феномены — Коля Красоткин, маленький герой [20: с. 69].

Каптерев же возражает и против этой, пусть более короткой классификации. Она не имеет единого основания; отсутствует Неточка; Лиза и Катя отнесены к нервным детям, тогда как Лиза — не просто нервный, а болезненный ребенок, а Катя — тип здорового, прекрасного телом и душой ребенка; Коля и маленький герой без чего-либо необыкновенного названы феноменами.

В своих работах Каптерев выделяет детские типы по их душевному здоровью на две группы: нормальных и ненормальных, — отнеся к последней лишь Лизу, а нормальных — на две категории по характеру влияния окружающей среды на становление их личностных качеств. Дети первой категории (Нелли, Илюша, Неточка) (ее выделяют также Пользинский и Янтарева (правда, без Неточки), угнетенные, несчастные, униженные и оскорбленные, физически слабые и болезненные, растут в тяжелой обстановке и рано умирают. Их отличает недоверчивость, нелюдность и даже ожесточенность, злобность к людям, ведь взрослые их часто обманывали, оскорбляли, нарушали неоспоримые права. Они эмоционально возбуждены, напряжены, беспокойны, мнительны, обидчивы. Их потребность в участии, любви, ласке велика, поэтому они легко поддаются искреннему, сердечному отношению. Размышления о собственных горестях и их причинах, несправедливости к ним людей способствует склонности к самоуглублению, анализу своих и чужих внутренних состояний, мотивов поступков. Эта склонность благотворно, но односторонне влияет на развитие ума. Представления и знания детей ограничены сферой печальных явлений человеческой жизни. Их умственный кругозор сужен тяжелой материальной обстановкой, а широкая панорама

мирской жизни часто недоступна и неизвестна. Типы униженных и несчастных детей различны. Нелли и Илюша, обладающие большой внутренней силой противодействия тяжелым жизненным обстоятельствам, становятся протестующими борцами. Сила духа Неточки выражается не в прямой борьбе, а в развитии сердечности, нравственной чуткости и нежности, ума. Внешне это натуры мягкие, нежные, но внутренне сильные, богатые чувствами, способные на самоуглубление, проявление фантазии.

Детей второй категории (княжна Катя, Коля Красоткин, маленький герой) (ее выделяет Янтарева по другому основанию и без Кати), более или менее счастливых, растущих если не в богатстве, то и не в бедности, окруженных вниманием и заботами, отличает запас физических сил и энергии. Они душевно здоровы, им присущи самоуверенность, гордость, открытость, сочувствие другим, умение постоять за себя и своих друзей, хорошие умственные способности.

Пользинский описывает намеченные Достоевским три ступени духовного роста ребенка, не приуроченные к определенным годам. Первая связана с пробуждением сознательного отношения к видимому, с особым фактом внутренней или внешней жизни, оставшимся в памяти. Так, Неточка помнит себя с десяти лет, Аркадий Долгоруков — когда ему не было еще и шести. Теперь ребенок не пассивно воспринимает окружающее, а начинает наблюдать, рассуждать. Первые впечатления неустойчивы из-за преобладания чувства и относительной слабости рассудка, ведь ребенок живет в мире, созданном его воображением, хотя и питается внешними впечатлениями. Сильное нравственное возбуждение, сопровождающееся подъемом всех сил ребенка, способствует самостоятельному усвоению им истинных отвлеченных понятий о справедливости, добре и зле, чести и бесчестии. Илюша «открыл истину» при виде надругательства над родным отцом. Такие чрезвычайные обстоятельства намечают перелом в жизни ребенка, в отношениях с окружающими. Пробуждающееся создание выводит эти отношения из безличных в нравственные, помогая ребенку постигать социальное положение и разницу, существующую

²⁸ Каптерев П. Ф. Общие замечания о детских типах в произведениях Достоевского. С. 350.

между людьми, подвергать нравственный склад взрослых суду, строгому, неумолимому, не всегда верному. В то же время пробуждение сознания омрачает идеально-чистый детский облик, влечет дурные чувства.

На второй ступени у ребенка появляется чувство чести или сознание прав своей личности. Оно выражается в самозащите против оскорблений и в большем или меньшем притязании на превосходство, растет по мере общего интеллектуального развития. Так, началом характера Кати стало самолюбие.

На третьей ступени у ребенка из неясных сердечных влечений возникают осознанные симпатии к определенному лицу. Между Катей и Неточкой складываются отношения чисто романтического характера на основе эстетических чувств (Неточка поражена красотой Кати) и моральных (княжна переживает сострадание, жалость, сознание своей неправоты к девочке). Маленький герой, впервые испытывающий на основе эстетических и нравственных впечатлений первую любовь, переживает смущение, раздражение, досаду, стыд, негодование и ненависть, оскорбление, обиду, серьезное горе. Симпатии появляются на основе не только внешней привлекательности, но главным образом внутреннего склада души человека, а антипатии — на основе нравственного падения даже близкого лица, оскорбления им чувства собственного достоинства ребенка.

Систему причин становления характера детских типов Достоевского исследователи выстраивают по их значимости. Важной считают роковой закон наследственности, в силу которого «недочеты в физической и психической организации родителей, их слабости и пороки неизбежно должны перейти к детям, ни в чем не повинных» [20: с. 39]. У Нелли эпилептизм связан с пьянством ее отца; у Лизы болезненные физические страдания вызваны функциональным расстройством (паралич ног, обрекающий на сидячий образ жизни), истерия обусловлена истерическим характером ее матери. Хорошие природные задатки отличают Катю, Колю и даже Илюшу, которому, возможно, передались некоторые скромные качества живой, хотя и помраченной, души отца. В Нелли возродилось святое

наследие ее страдальницы-матери — «непокупная честность, горделивое сознание своего достоинства, благородства и истинный аристократизм», — которое «дочь ее сумела сохранить в полной неприкосновенности и в глубине того ужасного вертепа, куда забросила ее безжалостная судьба; разрушилось тело, но не погибла душа» [20: с. 38]. С наследственными недостатками можно бороться, сглаживая различными воспитательными влияниями, как видоизменялась более или менее одинаковая природа братьев Карамазовых. Пользинский замечает, что, хотя трудно разграничить роль наследственных и жизненных условий в развитии детей, растущих в нужде и лишениях, следует признать подавляющую последних. Они приводят к болезненным физическим расстройствам Нелли, Неточки, Илюши, а те, в свою очередь, влияют на неправильный склад их душевной жизни.

Окружающая среда, общественная и внешняя, физическая, в том числе жизненная обстановка, семейное воспитание, школьное образование, двойко влияет на ребенка. Во-первых, передает сумму представлений, составляющих духовное богатство человека. Ведь мыслительная деятельность главным образом питается содержанием извне, определяется характером среды, ее идеями и направлением. Во-вторых, вызывает у детей различные душевные движения. Благодаря вынесенному из детства Алешей Карамазовым образу скорбно молящейся матери значение внешней обстановки превратилось во второстепенное для внутреннего строя его личности, который стал определяться прежде всего психическими мотивами. Отчужденность Алеши и Аркадия Долгорукова от внешнего мира помогает обоим сохранить нравственную чистоту, которая часто теряется под влиянием товарищей.

О нравственном уровне, идеалах образованного общества говорит тот факт, что оно обычно не замечает детей, выброшенных на улицы, лишенных не только воспитания, но и сносного существования. Они зачастую становятся преступниками, приучаясь ко лжи, бродяжничеству, или рано погибают, как замерзший в холодную рождественскую ночь на чужом дворе одинокий мальчик. Он очутился на елке у Христа среди множества таких же

мальчиков, которых вместе с их грешными матерями благословлял Христос («Мальчик у Христа на елке»). Взрослые в произведениях писателя обычно относятся к душевной жизни детей с полным пренебрежением, предвзято судят о ней, не признавая за ними даже права на таковую. Они насильственно вторгаются в эту жизнь, чтобы подчинить ее своему режиму, тайно следят за каждым шагом ребенка, сознательно попирают его личность. Душевный мир детей не только не вызывает уважительного отношения взрослых, но и служит с их стороны предметом грубых острот, шуток и издевательств, как интимные переживания маленького героя одиннадцати лет. В мальчике, который попадает в мир шумного, бесшабашного, нескончаемого веселья в подмосковном поместье, ярко сказывается воздействие уродливой антипедагогической среды взрослых. Тлетворный яд атмосферы усадьбы повергает впечатлительную детскую душу в смущение, хаос, мучительный кризис, первую любовь, безумную и болезненную. Взрослые и виновница сердечных страстей маленького героя реагируют на случившуюся историю не просто равнодушно, а бессознательно жестоко.

Условия жизни — городская или деревенская местность, природа, убогая грязная низкая комната на чердаке под крышей шестизэтажного многоквартирного дома или огромные хоромы с прекрасной обстановкой. Суровая жизненная обстановка в душной жалкой трущобе, нищета, голод, лишения, страдания, отчуждение от благ цивилизации и культуры, приводя детей в группу униженных и оскорбленных, обрекает их на духовное вырождение, преждевременную смерть. Но в то же время эти условия оказывают воспитательное и развивающее влияние, способствуя как пассивному протесту против них, так и борьбе, приводящей к свету, истине, добру. Нелли, выражая пассивный, вымученный протест судьбе, человечеству, переживает «эгоизм старания», произвольно растравляя свои раны, наслаждаясь своей мукой, упиваясь болью. Чахоточный Илюша, как герой, восстает против всех за правду, справедливость, защищая свое человеческое достоинство, фамильную честь.

Удручающее воздействие окружающей среды влечет за собой пугливость, застенчивость ребенка, недоверие, ожесточенность к людям. Нравственная основа детской души открыта для дурных влияний, подражанию им, усвоению извращенных понятий взрослых. Неточка по указанию отчима, полагавшегося на ее детскую наивность, крадет семейные деньги, но потом переживает тяжелые моральные страдания. И все-таки недостаток внешних впечатлений запускает развитие способности понимать тонкие душевные движения окружающих: Нелли чувствует характер своего деда, Илюша — отца, — тем самым противодействуя отрицательному давлению среды. Это противодействие особенно усиливается при оскорблениях чувства личного достоинства ребенка, а возникшие у него добрые свойства проявляются при мягком обращении. Янтарева, как и Достоевский, считает, что следует «беречь дитя от слишком суровых влияний жизни, стремиться к тому, чтобы подольше сохранить ему светлое неведение, лучший дар детства; а то последствия могут быть поистине ужасны: злоба, человеконенавистничество, мрачный пессимизм и жажда мести воцарятся в душе дитяти, поработят и завладеют ею» [20: с. 42–43].

Семья, школа, по мнению Достоевского, не дают детям хорошего воспитания и образования, достойных примеров, забывая о том, что воспитание способно, если не переродить ребенка, то иметь решающее значение в его жизни. Семейное воспитание определяется мировоззрением родителей, близких родственников, нравственной атмосферой детства. Зачастую в семьях из романов Достоевского отсутствуют исторически сложившиеся традиции, прочные и общие для всех ее членов убеждения, понятия, которые роднят их между собой, определяют жизнь семьи и детей. Дурное воспитание сознательно или бессознательно навязывает детям отрицательные черты. Жертвой слепой и неразумной педагогической системы стала Катя, наделенная прекрасными задатками. Главным стимулом и двигателем поведения девочки сделались привитые матерью болезненное самолюбие и гордость. Лиза превратилась во взбалмошную, порывистую, непостоянную, неустойчивую

натуру под влиянием примера матери, созданной ею нравственной атмосферы. Но даже в антипедагогических условиях великой воспитательной силой является любовь взрослых, прежде всего материнская, самоотверженная, беспредельная, бескорыстная, ищущая лишь счастье и благополучие для любимого существа. «Тот, кто с детства дышал теплою, мягкою, благотворною атмосферою любви, тот никогда не очерстует в жизненной борьбе, посреди самых жестоких испытаний — сохранит “душу живу”» [20: с. 69]. Коле, помимо природных задатков, материнская нежность и любовь помогли стать добрым, отзывчивым, избавиться от эгоизма, чисто мальчишеского задора, навязанных школьными обычаями. Чуткий и восприимчивый Коля понимает душу младшего Илюши, защищает, пытается воспитывать, выровнять его характер. Общение детей (Неточки и Кати, Коли и Илюши) оказывает на них благотворное влияние.

Школа традиционно не стремится понять природу ребенка, ограничиваясь застывшими, устаревшими формами общения. В ней царит казенный, чуждый внимания и теплых отношений к ребенку строй жизни, процветает посредственность, подавляющая в детской личности сколько-нибудь выдающееся, отличное по темпераменту проявление чувств, разума, порождая переживание одиночества. Колю, типичного представителя подрастающей молодежи, юного доморощенного философа, отличают находчивость, сообразительность, сметливость и настойчивое невежество. Его самолюбие, самомнение, самохвальство, ложный стыд — обычные болезни, которые привила школа, превращая детей в фальсификацию взрослого человека, наполняя их головы всяким вздором, не борясь с аффектацией и фразерством, не отстаивая простоту и естественность.

Позднее Каптерев возвращается к автобиографиям выдающихся деятелей, не строя теоретически схему типов, но раскрывая на основе обобщений, имеющихся в них фактов особенности душевного склада не отдельных, не всех, а многих детей. Он считает, что детство играет решающую роль в определении духовной природы взрослого, а преобладающие в этом возрасте черты в последующем

получают дальнейшее развитие, намечая все существо человека, т. е. известный детский тип является и общечеловеческим. Ученый описывает чувствительный тип, смешанный или чувствительный и интеллектуальный, эстетический, интеллектуальные чистые типы (искусственный или сделанный и естественный), тип самобытного ума²⁹.

Для исследователей начала XX в. главной проблемой остается анализ обширной галереи детских типов — множества паразитических детских образов в европейской [6; 9] и русской литературе [3: с. 27; 10: с. 12]. Этот анализ направлен на определение отличительных, как индивидуальных, так и возрастных черт личности ребенка, складывающихся в ходе психического развития, соединяющего эту личность бесчисленными нитями с окружающей средой, миром взрослых. Литературовед, историк литературы, А. К. Бороздин, подчеркивая богатство психологического материала в произведениях Л. Н. Толстого, пишет: «В этом отношении для нас особенный интерес представляют изображенные им детские типы, так как на этих еще формирующихся индивидуальностях удобнее рассмотреть ход духовного развития человека» [2: с. 769]. Он прослеживает психическое развитие Николенки Иртеньева, главного героя трилогии Толстого, с десяти лет, от детского непосредственного отношения ко всему окружающему до идеализма юношеского возраста, показывая, как складывается эмоциональная жизнь, самосознание, самолюбие, мирозерцание, увлечение философскими учениями.

Литературовед, ученый секретарь Московского психологического общества, секретарь редакции журнала «Вопросы философии и психологии» Ю. И. Айхенвальд, а также писатель-беллетрист В. В. Бруснянин отмечают, что А. П. Чехов впервые изображает элементарное сознание Гриши в возрасте двух лет и восьми месяцев, суженное, упрощенное, но новое и интересное; описывает грандиозные замыслы, мечты, шалости, радости, удивление, размышления, особое течение мыслей, нравственные представления дошкольников

²⁹ Каптерев П. Ф. Общие замечания о детских типах в произведениях Достоевского. С. 358.

[1; 3: с. 58]. Чехов уверен, пишет Айхенвальд, что «эти маленькие существа образуют свое отдельное царство, они живут как бы в особой нравственной части света» [1: с. 62], в республике или анархии лилипутов, особом детском мире. Изображая взаимодействие взрослого и детского миров, писатели смотрят на ребенка с печалью и грустью, ведь он, считает Воскресенская, «в ненормальной — духовно или физически — обстановке страдает от грубого столкновения с неправдой и злом жизни, — жизни, созданной “большими”, так часто являющимися идеалом детского воображения, этими взрослыми, давно забывшими заповедь: “будьте, как дети”» [7: с. 75]. Именно это взаимодействие миров, а не наследственность, становится главной проблемой анализа литературы. Веселовский рассматривает, как известные литераторы и писатели: Айзман, Арцыбашев, Боборыкин, Лазаревский, Серафимович, Сологуб, К. Успенский, Юшкевич и др. — изображают влияние социальных перемен в эпоху бурного, тревожного, смутного времени 1905–1906 гг. в России на поведение и душевное состояние детей. Еще не знающие настоящей жизни, они подвергаются серьезным опасностям, лишаются настоящего детства или преждевременно гибнут среди общего смятения и разгрома. Свидетелей трагических, кровавых событий, потерявших близких людей, отличают недетское страдание, серьезность и сосредоточенность, утрата последних остатков жизнерадостности, ощущение одиночества, преждевременное разочарование [4]. Веселовский анализирует трагедию детской души в европейской литературе, т. е. отклонение во всех сферах психического развития от его нормального хода под воздействием тяжелых условий жизни, вредной окружающей среды, недостатков семейного и школьного воспитания. Он утверждает, что писатели напоминают обществу о существующем в нем неблагоприятном порядке вещей, семье и школе, гибельно отзывающихся на маленьких, ни в чем не повинных детях; обличают взрослых, равнодушно проходящих мимо их разочарований и страданий [5: с. 8]. Отмечая значение анализа художественной литературы как метода детской психологии,

сошлемся на мнение Пользинского, считающего описание детских типов Достоевским ценным вкладом в психологию, даже несмотря на то что при всей своеобразности представителей этого мира они далеки от всех наблюдаемых в реальности детских характеров. Ученый подчеркивает, что писатель представил ход душевной жизни детей в различных точках ее соприкосновения с внешним миром; рассмотрел ее существенные и общие свойства; степень ее восприятия влияний окружающей жизни и собственных влияний на нее [15: с. 85]. Этот вывод касается многих замечательных писателей, изображающих мир детства.

Заключение

Проблема метода исследования в отечественной детской психологии конца XIX – начала XX в. сказывается в разработке теоретико-методических вопросов наблюдения, ведения дневников, обсуждении возможности применения эксперимента, тестов. В российском обществе возрастает интерес к художественной литературе, изображающей душевную жизнь ребенка. Анализ художественной литературы и автобиографий выдающихся людей, предложенный П. Ф. Каптеревым и получивший широкое распространение в российской детской психологии в то время, начинает рассматриваться как метод познания психики ребенка, способствующий развитию детской и педагогической психологии. Обращение к такому анализу обуславливается, с одной стороны, поиском фактов о мире детства и методов его исследования, а с другой — стремлением писателей, введших нового героя — ребенка, всесторонне изучить развитие его нежной душевной жизни. Каптерев одним из первых отечественных ученых увидел в художественной литературе и автобиографиях выдающихся деятелей наряду с ценными фактами для детской психологии специфическое средство познания детской души. Несмотря на нереальность, безусловную правдивость литературных героев, психологическая основа их характеров, которые зримо проявляются, сохраняется.

Метод базируется на причинно-следственной системе «факторы психического развития

ребенка — всесторонняя история развития — душевный склад личности». Его цель состоит в понимании целостной картины процесса и условий психического развития ребенка, а задачи — в проверке, наглядном дополнении теоретических представлений о его ходе, выяснении значимости внутренних и внешних его причин, прослеживании становления индивидуальности на примере художественного таланта, психологического своеобразия детских типов. Принципами получения

такой картины являются: 1) всесторонность — представление о взаимосвязи всех сторон душевной жизни ребенка; 2) целостность — понимание зависимости формирующихся особенностей личности от всех факторов развития ребенка в прошлом, настоящем и будущем; 3) индивидуализация — учет отличительных возрастно-индивидуальных качеств конкретного ребенка в конкретных жизненных обстоятельствах его существования и развития.

Литература

1. Айхенвальд Ю. Дети у Чехова // Вестник воспитания. 1905. № 1. С. 58–80.
2. Бороздин А. К. Дети в произведениях гр. Л. Н. Толстого // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. № 10. С. 768–788.
3. Брусянин В. В. Дети и писатели. Литературно-общественные параллели. (Дети в произведениях А. П. Чехова, Л. Андреева, А. Н. Куприна и Ал. Ремизова.) М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. 272 с.
4. Веселовский Ю. Дети смутного времени // Вестник воспитания. 1907. № 2. С. 42–55.
5. Веселовский Ю. А. Трагедия детской души. М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1908. 164 с.
6. Воскресенская В. Дети в литературе XIX века // Вестник воспитания. 1910. № 2. С. 119–160.
7. Воскресенская В. Дети в литературе XIX века. (Окончание) // Вестник воспитания. 1910. № 3. С. 75–114.
8. Галерея детских портретов (сб. типов). (По гр. Толстому, Достоевскому, Григоровичу, Тургеневу, гр. Салиас, Гончарову и Писемскому) / сост. Л. В. Постникова. М.: Изд-во тип. И. Д. Сытина и Ко, 1890. 399 с.
9. Герцык А. К. Дети в произведениях Ибсена // Русская школа. 1900. № 10. С. 80–101.
10. Гольцев В. А. Дети и природа в рассказах А. П. Чехова и В. Г. Короленко. М.: Изд. редакции журналов «Детское чтение», «Педагогический листок», 1904. 23 с.
11. Каптерев П. Ф., Мальцев А. П. Вопросы матерям о детях: (Опыт программы для систематических наблюдений над развитием детей). СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1881. X, 47 с.
12. Мерешкова З. И. Экспериментальная педагогика в России в трудах отечественных педагогов конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2006. 23 с.
13. Никольская А. А. Возрастная и педагогическая психология в дореволюционной России: монография. Дубна: Феникс, 1995. 336 с.
14. Омельченко Е. В. Сравнительный анализ развития детской психологии в странах Западной Европы (Англия, Германия, Франция) и России конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 24 с.
15. Пользинский П. С. Детский мир в произведениях Достоевского: Опыт психологического разбора детских типов Достоевского в связи с его суждениями о воспитании. Ревель: Изд. журнала «Гимназия», 1891. 86 с.
16. Сладкова Т. В. Становление и развитие педагогической диагностики в России конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саранск, 2007. 18 с.
17. Рудевич Л. В. Детская душа. Сборник художественных отрывков из произведений русских писателей, обрисовывающих психологию детей. Т. I. М.: Изд. К. Тихомирова, 1907. XIV, 456 с.
18. Рудевич Л. В. Детская душа. Сборник художественных отрывков из произведений иностранных писателей, обрисовывающих психологию детей. Т. II. М.: Изд. К. Тихомирова, 1909. VII, 622 с.
19. Урунтаева Г. А. Теоретико-методические основы изучения воспитателем ребенка-дошкольника в истории отечественной психологии (вторая половина XIX – 20–30 гг. XX в.): дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2003. 503 с.
20. Янгарева Р. А. Детские типы в произведениях Достоевского: Психологические этюды Р. А. Янгаревой. СПб.: Тип. инж. Г. А. Бернштейна, 1895. 95 с.

References

1. **Ajxenval' d Yu.** Deti u Chexova [Chekhov 's children] // Vestnik vospitaniya [Bulletin of education]. 1905. № 1. P. 58–80.
2. **Borozdin A. K.** Deti v proizvedeniyax gr. L. N. Tolstogo [Children in the works of gr. L. N. Tolstoy] // Vestnik psixologii, kriminal'noj antropologii i gipnotizma [Bulletin of Psychology, criminal anthropology and hypnotism.]. 1904. № 10. P. 768–788.
3. **Brusyanin V. V.** Deti i pisateli. Literaturno-obshhestvenny'e paralleli. (Deti v proizvedeniyax A. P. Chexova, L. Andreeva, A. N. Kuprina i Al. Remizova) [Children and writers. Literary and social parallels. (Children in the works of A. P. Chekhov, L. Andreev, A. N. Kuprin and Al. Remizov)]. M.: Tip. t-va I. D. Sy'tina, 1915. 272 p.
4. **Veselovskij Yu.** Deti smutnogo vremeni [Children of the Time of Troubles] // Vestnik vospitaniya. [Bulletin of education]. 1907. № 2. P. 42–55.
5. **Veselovskij Yu. A.** Tragediya detskoj души [The tragedy of the child's soul]. M.: Tipo-litogr. T-va I. N. Kushnerev i Ko, 1908. 164 p.
6. **Voskresenskaya V.** Deti v literature XIX veka [Children in the literature of the XIX century] // Vestnik vospitaniya [Bulletin of education]. 1910. № 2. P. 119–160.
7. **Voskresenskaya V.** Deti v literature XIX veka. (Okonchanie) [Children in the literature of the XIX century. (Ending)] // Vestnik vospitaniya [Bulletin of education]. 1910. № 3. P. 75–114.
8. Galereya detskix portretov (sb. tipov) [Gallery of children's portraits (collection of types)]. (Po gr. Tolstomu, Dostoevskomu, Grigorovichu, Turgenevu, gr. Salias, Goncharovu i Pisemskomu) / sost. L. V. Postnikova. M.: Izd-vo tip. I. D. Sy'tina i Ko, 1890. 399 p.
9. **Gercyk A. K.** Deti v proizvedeniyax Ibsena [Children in the works of Ibsen] // Russkaya shkola [Russian School]. 1900. № 10. P. 80–101.
10. **Gol'cev V. A.** Deti i priroda v rasskazax A. P. Chexova i V. G. Korolenko [Children and nature in the stories of A. P. Chekhov and V. G. Korolenko]. M.: Zhurnaly «Detskoe chtenie», «Pedagogicheskij listok». 1915. 23 p.
11. **Kapterev P. F., Mal'cev A. P.** Voprosy' materyam o detyax: (Opy't programmy' dlya sistemicheskix nablyudenij nad razvitiem detej) [Questions to mothers about children: (Experience of the program for systematic observations of the development of children)]. SPb.: Tipografiya Doma prizreniya maloletnix bedny'x. 1881. X, 47 p.
12. **Mereshkova Z. I.** E'ksperimental'naya pedagogika v Rossii v trudax otechestvenny'x pedagogov koncza XIX – nachala XX v.: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Experimental pedagogy in Russia in the works of Russian teachers of the late XIX – early XX centuries: abstract dis. ... candidate of pedagogical sciences]. Majkop, 2006. 23 p.
13. **Nikol'skaya A. A.** Vozrastnaya i pedagogicheskaya psixologiya v dorevolucionnoj Rossii: monografiya [Age and pedagogical psychology in pre-revolutionary Russia: monograph]. Dubna: Feniks, 1995. 336 p.
14. **Omel'chenko E. V.** Sravnitel'ny'j analiz razvitiya detskoj psixologii v stranax Zapadnoj Evropy' (Angliya, Germaniya, Franciya) i Rossii koncza XIX – nachala XX v.: avtoref. dis. ... kand. psixol. nauk [Comparative analysis of the development of child psychology in the countries of Western Europe (England, Germany, France) and Russia of the late XIX – early XX centuries. ... candidate of psychological sciences]. M., 2007. 24 p.
15. **Pol'zinskij P. S.** Detskij mir v proizvedeniyax Dostoevskogo: Opy't psixologicheskogo razbora detskix tipov Dostoevskogo v svyazi s ego suzhdeniyami o vospitanii [The children's world in Dostoevsky's works: The experience of psychological analysis of Dostoevsky's child types in connection with his judgments about education]. Revel': Izdanie zhurnala «Gimnaziya», 1891. 86 p.
16. **Sladkova T. V.** Stanovlenie i razvitie pedagogicheskoy diagnostiki v Rossii koncza XIX – nachala XX v.: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Formation and development of pedagogical diagnostics in Russia of the late XIX – early XX centuries: abstract dis. ... candidate of pedagogical sciences]. Saransk, 2007. 18 p.
17. **Rudevich L. V.** Detskaya dusha. Sbornik xudozhestvenny'x otry'vkov iz proizvedenij russkix pisatelej, obrisovy'vayushhix psixologiyu detej. T. I [Children's soul. Collection of artistic excerpts from the works of Russian writers describing the psychology of children. Vol. I]. M.: Izdanie K. Tixomirova, 1907. XIV, 456 p.
18. **Rudevich L. V.** Detskaya dusha. Sbornik xudozhestvenny'x otry'vkov iz proizvedenij inostranny'x pisatelej, obrisovy'vayushhix psixologiyu detej. T. II [Children's soul. Collection of artistic excerpts from the works of foreign writers describing the psychology of children. Vol. II]. M.: Izdanie K. Tixomirova, 1909. VII, 622 p.

19. **Uruntaeva G. A.** Teoretiko-metodicheskie osnovy` izucheniya vospitatelem rebenka-doshkol`nika v istorii otechestvennoj psixologii (vtoraya polovina XIX – 20–30 gg. XX v.): dis. ... d-ra psixol. nauk [Theoretical and methodological foundations of the teacher's study of a preschool child in the history of Russian psychology (the second half of the XIX – 20–30 years XX century): dis. ... doctor of psychological sciences]. SPb., 2003. 503 p.

20. **Yantareva R. A.** Detskie tipy` v proizvedeniyax Dostoevskogo: Psixologicheskie e`tyudy` R. A. Yantarevoj [Children's types in the works of Dostoevsky: Psychological studies by R. A. Yantareva]. SPb.: Tip. inzh. G. A. Bernshtejna, 1895. 95 p.